

Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова

Статья посвящена описанию орфографической составляющей первого советского нормативно-го «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Особенности правописания словаря анализируются в контексте орфографической ситуации послереформенного периода и взглядов Д.Н. Ушакова. Устанавливаются подходы к нормализации таких, например, спорных групп написаний, как сложные прилагательные со значением оттенка цвета, гласные *о/е* под ударением после шипящих в суффиксах существительных, *н/nn* в суффиксах прилагательных и причастий. Выявляются основные группы орфографических вариантов в словаре, уточняется их нормативный статус. Определяется влияние словаря на нормализацию послереформенного правописания.

Ключевые слова: *Дмитрий Николаевич Ушаков; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова; история орфографии; разноречивой послереформенного правописания; особенности правописания в словаре; орфографические варианты; нормализация правописания.*

Svetlana V. Naumenko

Questions of Orthography Normalization in «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov.

The article is dedicated to orthographical content of the first soviet standard «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov. The specific aspects of spelling are analyzed in the context of orthographic situation in postreformed period and D.N. Ushakov's views. It is set the approaches to normalization of such controversial groups of writing as compound adjectives with the meaning of colour shade, stressed vowels *o/e* after hushings in nouns' suffixes, *n/nn* in suffixes of adjectives and participles. The basic groups of orthographic variants in the dictionary are defended, their normative status is determined. It is defended the influence of the dictionary on the normalization postreform spelling.

Key words: *Dmitrii Nikolaevich Ushakov; «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov; orthography history; inconsistency of the postreform writing; specific aspects of spelling in dictionary; orthographical variants; orthography normalization.*

Широкому кругу читателей выдающийся лингвист и талантливый педагог Д.Н. Ушаков (1873–1942) известен прежде всего в качестве редактора первого

нормативного советского «Толкового словаря русского языка» (1934–1940). Научные достоинства словаря определили его влияние на дальнейшее развитие отечественной лексикографии. Впервые примененные здесь принципы нормативно-стилистической характеристики слова, многоаспектная система разнообразных помет стали основой для будущих толковых словарей разного типа, в том числе и двуязычных: «... все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на ушаковский словарь», поэтому «ни одному из составителей наших толковых словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского словаря» [Отечественные лингвисты 2003: 65; Ханпира 1984: 75].

Популярное название словаря — «ушаковский» — это безусловное признание

Светлана Васильевна Науменко, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе

E-mail: rgbsvnaum@mail.ru

Канский педагогический колледж

ул. 40 лет Октября, д. 65, г. Канск, Красноярский край, 663606, Россия

Kansk Pedagogical College

65 str. 40 let Oktyabrya, Kansk, Krasnoyarsk region, 663606, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Науменко С.В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-67-74.

заслуг Д.Н. Ушакова, который был главным организатором не только собственно научной, но и всей технической части издания тезауруса [Никитин 2015]. Словарь «продолжил пушкинскую традицию заботы о русском языке», от него «веет талантливостью... в нем легко дышать. Его хочется читать... Чувствовать обаяние и мощь русского языка» [Панов 2007: 741]. Успех словаря, как указывал один из его составителей С.И. Ожегов, был обеспечен наличием трех условий: «Первое — это внутренние свойства самого Дмитрия Николаевича, как человека и ученого. Второе — это характерное для всей научной деятельности Дмитрия Николаевича вообще — умение найти в нужный момент наиболее актуальную проблему науки и русского просвещения. И наконец, — третья — это богатейший ученый опыт Дмитрия Николаевича, ученая интуиция, тонкое живое знание русского слова и его духа» [Ожегов 1992: 72]. Принципиально важно и то, что Д.Н. Ушаков сумел привлечь к работе над словарем таких профессионалов, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.П. Обнорский, С.И. Ожегов, В.В. Томашевский, В.И. Чернышев, Л.В. Щерба.

Русский литературный язык после октябрьских событий 1917 г. «акцентирует разрыв с традицией», своеобразную «революцию языка» [Грановская 2005: 382]. Прежние стандарты «словоупотребления, ударения в слове, написания и произношения резко заколебались», крайне остро обозначив проблему широкого нормирования нового качества литературной речи, в том числе и ее письменной формы [Цейтлин 1958: 113–114]. Практической формой ее разрешения виделся авторитетный толковый словарь, с инициативой создания которого в 1920 г. выступил В.И. Ленин, уточняя, что он непременно должен быть «по новому правописанию», т.е. учитывать итоги орфографической реформы 1917–1918 гг. [Письмо В.И. Ленина к Е.А. Литкенсу 1935: 199]. К практической реализации этой идеи удалось приступить только в 1928 г., поскольку ранее «сущность новой, становящейся нормы была... неясна, между тем как цели словаря были нормативные» [Ожегов 1952: 88].

Особенно сложной тогда оказалась ситуация в правописании, которое, по свидетельству современников, захлестнула «настоящая эпидемия безграмотности» [Суворовский 1927: 8]. Отчасти она

оказалась неизбежным следствием реформы орфографии 1917–1918 гг., поскольку любое реформирование, как справедливо указывает Л.В. Щерба, разрушает авторитет и престиж орфографии как таковой: «Практический вывод, который был сделан... почти всем обществом, был тот, что орфография — вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила... Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к “форме” и погоней за “существом”» [Щерба 1927: 82–83]. «Учительская газета» приводит следующие примеры «орфографической беспечности, нагло скалящей зубы в афишах, объявлениях, плакатах»: «*Запис бальных по живой оперети*»; «*Союз пиццивиков организует в субботу вечер пения и дикломации*»; «*Пичение, сухар, мендаль и прочие диликатесы*»; «*паисная икра*» [Дагайский 1923].

Закономерно, что борьба за грамотность, являющуюся, по выражению С.И. Ожегова, «первоэлементом письменной речи», вскоре начинает осознаваться как часть политической программы советского государства: «Грамотность и культура нам необходимы для социалистического строительства... овладение техникой грамотного письма приобретает большое политическое значение» [Ожегов 1956: Л. 1; О новом правописании 1930: 6]. Однако решение этой задачи затрудняла общая неупорядоченность орфографии, «сбивчивость и противоречивость многих правил», которая в силу объективных причин не была устранена орфографической реформой 1917–1918 гг. [О новом правописании 1930: 6]. Авторы издававшихся самостоятельно и независимо друг от друга ведомственных справочников и словарей устремились «кустарно проводить ревизию правил», способствуя «внесению нового разнобоя и новой путаницы в русское правописание, вместо того, чтобы содействовать установлению единообразия в этом важном деле» [Шапиро, Уаров 1933: 3; Иоаннисянц 1936: 69]. Д.Н. Ушаков писал по этому поводу: «Современное состояние нашего языка таково, что не может быть двух орфографических словарей, которые бы не противоречили друг другу.. В одном пишется *ватрушка*, в другом *вотрушка*, в одном *ресурс* с двумя *сс*, в другом с одним *с* и т.д., и т.д. ... словари противоречат друг другу, потому что они отражают то состояние, в котором мы с вами находимся... сейчас — что город, то норов. Если

вы придется по издательствам, то увидите, что в них необычайный разноречивый» [Выступление на совещании словесников: Л. 12–13]. Между тем и печать, и школа, как отмечал Д.Н. Ушаков, «жаждали того или иного определенного установления колеблющихся случаев» [Отзыв Д.Н. Ушакова: Л. 33].

Характерная для различных сфер общественной и производственной жизни 1930-х гг. стандартизация также «явилась стимулом в борьбе за унификацию письма», найдя отражение в стремлении создать общепринятый «твердый шаблон» и «стандарт правописания» [Обнорский 1934: 458–459]. В связи с этим от толкового словаря ожидали, что он будет иметь «своей орфографией... огромное нормализующее и унифицирующее влияние», став «мерой, способной вывести школу и печать из того орфографического хаоса, который сейчас является их бичом» [Письмо Б.А. Ларина к Д.Н. Ушакову: Л. 3 об.; Тезисы доклада Д.Н. Ушакова об орфографии: Л. 18 об].

Следует сказать, что к проблемам орфографии Д.Н. Ушаков обратился еще в 1911 г., написав работу «Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе». С 30-х гг. XX в. он входит в состав нескольких орфографических комиссий, руководит разработкой проектов орфографических и пунктуационных правил, ведет масштабную просветительскую работу в области правописания среди педагогов, обращается в различные ведомства с предложениями о координации работы по упорядочению орфографии, составляет широко известный школьный «Орфографический словарь» (1934). Весь этот опыт орфографической работы, несомненно, был применен им и в толковом словаре, оказавшем «громадное влияние на упорядочение орфографии 30-х гг.» [Цейтлин 1958: 121].

Словарь стал важным шагом к созданию первого в истории русского правописания орфографического стандарта – действующего «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956). Во-первых, это был первый большой и общедоступный словарь русского языка в соответствии с реформированной орфографией. Во-вторых, здесь учитывались все основные группы разноречия послереформенного периода, что отвечало задаче их систематизации и постепенной нормализации. Отражая противоречия, существовавшие в правописании

своего времени, словарь в то же время ярко обнаруживает движение к стабильной и единой орфографии, необходимость которой была предметом обсуждения множества публикаций Д.Н. Ушакова.

В-третьих, пытаясь сузить круг спорных написаний, словарь провел регламентацию, пусть и не всегда оставшуюся неизменной, например слитного написания сложных прилагательных-терминов, образованных от двух существительных (*грудобрюшный, тазобедренный*), и слитного написания прилагательных со значением оттенка цвета (*светлосиний, светлолиловый, темнокрасный, чернобурый*, но *изжелта-красный, иссиня-черный*) при распространенных тогда в практике *голено(-) стопный, груди(-)брюшный, светло(-)синий, светло(-)лиловый, тазо(-)бедренный, темно(-)красный, черно(-)бурый* и *изжелта(-)красный, иссиня(-)черный*.

Правописание сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, Д.Н. Ушаков указывал «в числе основных линий современного орфографического разноречия» [Ушаков 1937: 17–18]. Любопытно, что непоследовательность орфографического оформления таких прилагательных характерна уже для первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг., который, подобно словарю под ред. Д.Н. Ушакова, тоже решал задачи регламентации единой общенациональной языковой нормы своего времени: *блѣдноалый* (I, 232) и *блѣдно-алыя* (II, 18, 186); *блѣдноголубый* (I, 232), *блѣдно-голубый* (I, 170) и *блѣдно голубаго* (I, 170); *свѣтло-оливковою* (IV, 129, 216) и *свѣтлосвѣрая* (IV, 129, 243); *темно красное* (III, 451) и *темнокрасной* (III, 1174, 1219); *темно-лазорева* (III, 665) и *темнолазорева* (III, 665); *темно-сѣрая* (III, 440) и *темносѣрая* (III, 1022); *изъ красна черноватый* (I, 387), *изъ красна-желтоватая* (III, 402) и *изкрасна пурпуровыхъ* (I, 80). Непоследовательность орфографического оформления отражает и «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В.И. Чернышева и С.П. Обнорского (1948–1962 гг.), где наряду со слитным написанием *бледножелтый, бледнорозовый* в заголовках словарных статей в иллюстративном материале также находим примеры и дефисного оформления: *Тишка сорвал большой бледно-желтый цветок* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *небесно-голубой* и *темно-кофейный* [Словарь современного русского литературного языка 1948 (Т. 1); 1954 (Т. 3); 1956 (Т. 5)].

Показательно, что рекомендации толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова в части слитного правописания сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, повторят проекты правил орфографии и пунктуации 1947, 1948 и 1951 гг., С.П. Обнорский в «Вопросах современной русской орфографии» (1944), А.Б. Шапиро в «Русском правописании» (1951) и С.Е. Крючков в «Спорных вопросах русской орфографии» (1952), «Словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова (1949, 1952), что, несомненно, свидетельствует об авторитете нормативных решений толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова для своего времени.

Наблюдения за печатными изданиями 1935–1953 гг., например, «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1935, 1959), стихотворений Н.А. Некрасова (1939, 1952, 1953), «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя (1952), «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого (1946, 1953) также отражает постепенную динамику закрепления слитных написаний таких прилагательных: *бледно-лиловым, темно-голубым, темно-коричневым, ярко-оранжевая, ярко-прозрачный* (издания 1935 г. и 1939 г.) и *бледнолиловым, бледнозолотого, темноголубым, темнокоричневым, яркобелые, яркооранжевая, яркопрозрачный, яркосиние* (издания 1946 г., 1950 г., 1952 г., 1953 г.). Утвержденное же действующими «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956) дефисное написание прилагательных типа *бледно-золотой, светло-лиловый, темно-красный* было предложено проектом правил 1955 г. Нововведение уже на этапе предварительного обсуждения вызвало немало возражений, поскольку различные нормативные издания, в том числе школьные учебники и орфографические словари, «устанавливали в течение более десятка лет совсем другую традицию» слитного написания таких прилагательных, как *бледнолиловый, темноголубой* [Добромыслов 1954: 30].

Предпринятая авторским коллективом толкового словаря нормализация правописания гласных *о/е* под ударением после шипящих в суффиксах существительных тоже упорядочивала противоречивую практику, где можно было встретить *бельчонок, волчонок, зайчонок* и *бельченок, волченок, зайченок*. Как отмечали современники, если правило Я.К. Грота о правописании *о* в ударной и *е* в безударной позиции после шипящих «твердо установилось... в окончаниях существительных и прилагательных»,

то правописание суффиксальных морфем в 30–40-е гг. XX в. продолжали отличать «непоследовательность и многие колебания» [Проект 1930: 13]. Так, в суффиксах существительных наблюдалось «тяготение к *о* после твердых *ж, ш* и, наоборот, к *е* после мягкой *ч*: *горшок, лужок, но зрачек, скачек; медвежонок, но галченек; душонка, книжонка, но девченка, рученка; горшочек, дружочек, но зрачечек, сучечек* [Там же]. Толковый словарь в качестве нормативных закрепил в суффиксах существительных написание с гласной *о* под ударением после *ч*, независимо от ее мягкости: *волчонок, галчонок, девчонка, зайчонок, зрачок, пиджачок, сучок, сучочек, скачок*.

Последовательно устраняются словарем под ред. Д.Н. Ушакова и характерные для практики тех лет колебания в рекомендациях относительно правописания бесприставочных страдательных причастий и соответствующих прилагательных. Так, в одном справочнике указывалось, что причастия, «не имеющие приставок, пишутся с одним *н* в суффиксе, если употребляются и в качестве обычных прилагательных: *вязал — вязаный, путать — путаный, солил — соленный, стрелял — стреляный*», в другом, наоборот, в этом случае рекомендовалось *нн* [Шапиро, Уаров 1933: 30; Филиппов 1933: 92–93].

В толковом словаре правописание бесприставочных страдательных причастий прошедшего времени последовательно регламентируются с *нн*, тогда как соотносительных прилагательных — с *н*: *вязанный* (прич. страд. прош. вр. от *вязать*) и *вязаный* (*вязаная кофта, скатерть*), *граненный* (прич. страд. прош. вр. от *гранить*) и *гранённый* (*гранённый стакан, гранёная яшма*); *соленный* (прич. страд. прош. вр. от *солить*) и *солённый* (*солёный суп, солёная морская вода*). Устойчивым оказывается в толковом словаре и правописание таких спорных в послереформенной орфографической практике прилагательных, как *деревянный, оловянный, стеклянный, но серебряный*.

Конечно же, нормативные задачи в области орфографии были разрешены в той мере, в какой это было возможно при отсутствии официального орфографического стандарта. Так, орфография словаря отразила колебания и противоречия, которые существовали в правописании до утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956): 600 единиц имеют в словаре факультативное написание.

Однако нормативная позиция составителей словаря и его главного редактора Д.Н. Ушакова четко видна и в этом случае. Как правило, один из орфографических вариантов сопровождается указанием на меньшую употребительность или неправильность, устарелость. Так, в предисловии поясняется, что в тех случаях, когда «в практике наблюдается колебание правописания, например, *ватрушка* и *вотрушка*, *калач* и *колач*, в словаре даются оба варианта. Если они могут считаться одинаково правильными, то тот, который представляется более распространенным, приводится как *основной*, а другой помещается в скобках со словом “или”» [ТСРЯ 1935(1): XXXI]. Отметим, что при этом предпочтительность или безусловная правильность именно основного варианта последовательно подчеркивается с помощью шрифта (оформление примеров максимально приближено к тому, как они представлены в словаре):

БЕЗУДЕРЖУ (или без *удержу*), БЕЗУСТАЛИ (или без *устали*), БЕЧЁВКА (или *бичёвка*), ВАТРУШКА (или *вотрушка*), ВКОНЕЦ (или *в конёц*), ВСКОБКУ (или *в скобку*), ДИЭЗ (или *диёз*), ЗАХЛЕСНУТЬ (или *захлестнуть*), КОЩЕЙ (или *кашэй*), КАМОРКА (или *коморка*), КАЛАЧ (или *колач*), КАМФОРА (или *камфара*), КАРГА (или *корга*), КАРАЧКИ (или *корачки*), КРЯХТЁТЬ (или *крехтёт*), ЛАКАТЬ (или *локать*), ЛЕДИ (или *лэди*), МАЕТА (или *маята*), НАИЗНАНКУ (или *на изнанку*), НАСМАРКУ (или *на смарку*), НАШЕНСКИЙ (или *нашёнский*), НЕВЗЛЮБИТЬ (или *не взлюбить*), ПАНЁВА (или *понёва*), ПАРОМ (или *пором*), ПЕЧЕВО (или *пёчиво*), ПЛАСТИЛИН (или *пластелин*), ПОПОЛУДНИ (или *по-пополудни*), ПОЧТДИРЕКТОР (или *почт-директор*), РАЗЫСКНОЙ (или *розыскной*), РАЩЕНИЕ (или *рощёние*), РИТОРИКА (или *реторика*), СГОРАТЬ (или *сгарать*), СМАХУ (или *с маху*), СНЕГИРЬ (или *снигирь*), СЫСПОКОН (или *с испокон*), ТРИФОЛЬ (или *трефоль*), ХОЛУЙСТВО (или *халуйство*), ЧИХВОСТИТЬ (или *чехвостить*).

Если же распространенный в практике вариант рассматривается как *неправильный* или *устарелый*, то используются пометы «неправ.» или «устар.»:

ВАЛТОРНА (валторна *неправ.*), ИМПРЕСАРИО (импрессарио *неправ.*), КАВЫЧКИ (ковычки *неправ.*), КАЗАК (козак

устар.), КАРЕЛЫ (корёлы *неправ.*), КОНУРА (или, *устар.*, канура), КОРРИГИРОВАТЬ (чаще, но *неправ.* *коррегировать*), ЛАДАНКА (ладонка *неправ.*), ОТАРА (атара *неправ.*), ПАЛИСАДНИК (полисадник *неправ.*), ПАТОЛОГОАНАТОМ (паталог-анатом *неправ.*), СЕМЕННИК (семянник *неправ.*), ПАРНАС (или, *устар.*, *неправ.* Парнасс), ПАСОВАТЬ (или, *устар.*, *пассовать*), ПОВИЛИКА (или, *устар.*, *павилика*), ПОДСТАТЬ (или, *устар.*, *под стать*), ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕР (или, *устар.*, *полицимейстер*), ПОРЕЙ (или, *устар.*, *поррей*).

Дополнительные, устаревшие или *неправильные* варианты помещаются в словаре на своих местах в алфавитном порядке, но словарная статья разрабатывается только к основному варианту, указывая тем самым пользователю на его большую предпочтительность и правильность:

БОДЯГА. См. бадяга; ПИГОЛИЦА. См. пигалица; ПИЕЛИТ. См. пиелит; ПРИЕМИЯ. См. пиэмия; ПИЕСА. См. пьеса.

Необходимо особо подчеркнуть, что все комментарии и иллюстративный материал словарной статьи, содержащей в заголовке орфографический вариант, включают только основной вариант, что способствовало еще большему закреплению его как более предпочтительного в сознании пишущих:

ДИСТИЛЛИРОВАТЬ (или *дестиллировать*), рую, руешь, *сов. и несов., что* [от латин. *distillo* или *destillo* — капая] (спец.). Подвергнуть (подвергать) перегонке, очистить (очищать) перегонкой (жидкости). *Д. воду. Дистиллированная вода.*

МАСШТАБ [*аш*] (или *маштаб*), а, м. [нем. *Masstab*]. **1.** Отношение уменьшенных расстояний и размеров на карте и чертеже к действительным. *Географическая карта крупного масштаба. М. — 10 верст в дюйме. В десятиверстном масштабе.* **2.** Мера. *В большом, в маленьком масштабе.* // Охват, значение, размах. *В мировом масштабе. Масштабы производства стали гигантскими.* **Масштаб цен** (экон.). — установленное соотношение между денежными единицами различного наименования.

МАЧЕХА (или *мачиха*), и, ж. **1.** Жена отца по отношению к детям от прежнего его брака. **2. перен.** О ком-чем-н. неблагоприятном, враждебном. *...Дережня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее...* Стлн (о крестьянине при капитализме).

По нашим наблюдениям, производные слова также нередко даны с учетом орфографии только основного нормативного варианта:

БАЯН (или боян), но БАЯНИСТ; ВАТРУШКА (или вотрушка), но ВАТРУШЕЧНЫЙ; КАЗАК (или козак), но КАЗАЦКИЙ, КАЗАЧИЙ, КАЗАЧКА, КАЗАЧОК, КАЗАЧОНОК; ПАРОМ (или пором), но ПАРОМЩИК.

Если же факультативность правописания в заголовках словарных статей у производных сохраняется, то и в этом случае внутри статьи последовательно используется только основной вариант. Следует отметить, что действующими «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956) в качестве нормативного в абсолютном большинстве случаев будет закреплен именно рекомендуемый словарем основной вариант.

Особую группу представляют варианты написаний иноязычных слов, где отражены колебания в выборе одиночной или удвоенной согласной:

АК(К)ОРД, ДОП(П)ИНГ, КАБ(Б)АЛА, КАРТА(Р)АКТА, КОМ(М)ЕРЦИЯ, КОРАЛ(Л), КОЭФ(Ф)ИЦИЕНТ, ПОПУР(Р)И, РЕС(С)УРС.

По отзывам современников, вопрос об одиночных и удвоенных согласных в иноязычных словах оказался в послереформенной орфографии «самым большим и спорным», здесь было невозможно «провести никакого единого принципа»: писали *агрегат* и *агрегат*, *аллея* и *алея*, *аллюминий* и *алюминий*, *аккредитив* и *акредитив*, *коэффициент* и *коэфициент*, *официальный* и *официальный*, *терраса* и *терраса* [Орфографический справочник 1936: 59; Уаров, Шапиро 1933: 12]. Данная группа вариантов толкового словаря отражает один из самых сложных аспектов теории и практики отечественной орфографии, где при отмеченной еще Я.К. Гротом «неодинаковости понимания условий передачи иностранных слов» кодификаторами «в большинстве случаев объективно однозначных решений быть не может и выбор в той или иной степени условен» [Грот 1876:180; Нечаева 2011: 22]. Колебания в употреблении удвоенных согласных в заимствованных словах по-прежнему «относятся к наиболее частотным... характерно, что иногда разноречиво существует независимо от фиксации данного слова в орфографическом словаре» [Букчина 1988: 8].

Статус вариантов типа АГ(Г)РЕГАТ в предисловии к толковому словарю, несмотря на их многочисленность (205 единиц), никак не поясняется, однако из текста словарной статьи, как правило, можно установить более предпочтительный вариант, который и следует считать основным:

АК(К)ОРД, а, м. [ит. *accordo*] (муз.). Соединение нескольких (не менее трех) одновременно звучащих звуков, образующих гармоническое музыкальное сочетание. *Взять несколько аккордов на рояле. Заключительный аккорд* (книжн.) — *перен.* заключительное действие, конец. *Крах предприятия был заключительным аккордом бесхозяйственной деятельности акционеров.*

АК(К)РЕДИТИВ, а, м. [от латин. *ascredo* — доверяю]. 1. Денежный документ, содержащий приказ одного кредитного учреждения другому об уплате кому-н. определенной суммы одновременно или по частям (банк.). *По аккредитивам вклады выплачиваются в любой сберегательной кассе СССР.* 2. Верительная грамота (дипл.); см. верительный.

КОМ(М)ЕНТИРОВАТЬ, рую, руешь, *сов.* и *несов.*, *кого-что* [от латин. *commento* — объясняю] (книжн.). Дать (давать) комментарий к чему-н., толковать, объяснять. *К. Маркса.*

В связи с этим необходимо пояснить позицию Д.Н. Ушакова относительно допустимости орфографических вариантов. Единство правописания он рассматривал как обязательное условие «единства самого национального языка», этот «принцип единства становится еще более важным и очевидным, если принять во внимание неуклонно растущее значение русского языка внутри нашего многонационального государства и его интернациональное значение за рубежом» [Ушаков 1936: Л. 8–14]. Одно и то же, по мнению Д.Н. Ушакова, «может писаться по-разному только в том случае, когда в самом языке имеются две формы: *тракторы* и *трактора*, *уславливаться* и *уславливаются*, *мологский* и *моложский* и т. п., — здесь выбор — дело не орфографии, а орфоэпии и стилистики» [Ушаков 1993: 70]. Первая послереформенная орфографическая комиссия при Главнауке 1929 г., в состав которой входил и Д.Н. Ушаков, декларировала безвариантное написание всех слов, где «прежде допускалось двоякое» орфографическое оформление, поскольку наличие вариантов «противоречит здоровому инстинкту охраны орфографии как социального фактора» [Проект 1930: 21; Диспут // Ф. 358.

Оп. 2. Д. 75. Л. 16]. В предисловии к своему школьному «Орфографическому словарю» Д.Н. Ушаков также подчеркивает, что он «избегает давать двойные написания слов (например, *идти* и *итти*)», предлагая «из числа существующих... одно» [Ушаков 1934: 3].

В толковом словаре это отношение к орфографическим вариантам находит свое выражение в том, что, во-первых, среди них отсутствуют равноправные, один из вариантов обязательно получает характеристику *дополнительный/устарелый/неправильный*. Во-вторых, в тексте словарной статьи (комментарии, иллюстративный материал) последовательно используется именно основной вариант, который осознавался как более предпочтительный, следовательно — более правильный и нормативный. Для читателя этот статус основного варианта подчеркивался не только с помощью помет, но и особенностей его графического оформления. Всё вместе это отвечало представлению, что в силу своей специфики орфографическая норма не должна предусматривать выбор. В-третьих, орфографические варианты находятся только в позиции заголовков словарных статей. Можно предположить, что варианты вошли в корпус толкового словаря в интересах обычных пишущих, поскольку исключение дополнительных, устарелых и неправильных вариантов при неупорядоченности послереформенной орфографии могло бы существенно затруднить наведение справок о нормативном написании конкретных слов.

Научная и активная просветительская деятельность Д.Н. Ушакова была подчинена глубокому пониманию того, что «устойчивая орфография принадлежит к числу культурных ценностей» [Панов 2004: 514]. Толковый словарь во многом задает то направление, по которому в следующее десятилетие пойдет унификация и упорядочение правописания: «Орфография современного русского языка выросла не только из школьного “Орфографического словаря” Д.Н. Ушакова (и С.Е. Крючкова) и подготовленного при его активном участии свода 1956 г., но и особенно из “Толкового словаря русского языка” под его редакцией» [Отечественные лингвисты 2003: 63]. Нормализаторский резонанс словаря был, бесспорно, внушительным, поэтому в новом толковом «Словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова, изданном в 1949 г., спорные написания уже не найдут

отражения в силу их относительной немногочисленности к этому моменту.

Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова и сегодня остается уникальным памятником отечественной словесности, «своего рода учебником жизни не одного поколения русских людей, черпающих с его страниц бесценные исторические и языковые факты эпохи» [Никитин 2015].

ЛИТЕРАТУРА

Букчина Б.З. Вопросы орфографической унификации печатных изданий. — М., 1988.

Грановская В.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. — М., 2005.

Грот Я. Филологические разыскания. — СПб., 1876.

Дагайский. О чем тоскует красный карандаш? // Учительская газета. — 1923. — № 17

Диспут // АРАН. — Ф. 358. — Оп. 2. — Д. 75.

Добромыслов В.А. Облегчить усвоение правописания — основная задача его унификации // Русский язык в школе. — 1954. — № 5.

Иоаннисянц Ц.С. [Рец.] Справочники для работников печати // Большевицкая печать. — 1936. — № 12.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. — М., 2011.

Никитин О.В. Загадки «Ушаковского» словаря // Литературная газета. — 2015. — № 37.

Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. — 1934. — № 6.

Ожегов С.И. Русская орфография (1956) // АРАН. — Ф. 1516. — Оп. 1. — Д. 79.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. — 1952. — № 2.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // РАН. Серия литературы и языка, 1992. — № 3. — С. 72.

О новом правописании. — М., 1930.

Орфографический справочник (проект). — М., 1936.

Отечественные лингвисты XX века. — М., 2003.

Панов М.В. О культурно-историческом подходе к орфографии // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. — М., 2004. — Т. 1.

Панов М.В. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. — М., 2007. — Т. 2.

Письмо Б.А. Ларина к Д.Н. Ушакову от 18.03.1934 // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 4. — Д. 20.

Письмо В.И. Ленина к Е.А. Литкенсу от 19.05.1921 // Полное собрание сочинений В.И. Ленина, 1935. — Т. 52.

Проект реформы правописания. — М., 1930.

Словарь Академии Российской. — СПб., 1789—1784.

Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышева [и др.]: в 17 т. — М.; Л., 1948—1962.

Суворовский А.М. Распад орфографии // На путях к новой школе. — 1927. — № 12.

Ушаков Д.Н. Выступление на совещании словесников // АРАН. — Фонд 502. — Оп. 3 — № 106.

Ушаков Д.Н. Записка к Сводам орфографических и пунктуационных правил (1936) // АРАН. — Ф.502. — Оп. 1. — Д. 76.

Ушаков Д.Н. Об орфографии // Русская речь. — 1993. — № 1.

Ушаков Д.Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. — М., 1934.

Ушаков Д.Н. О современном правописании // Большевицкая печать. — 1937. — № 2.

Ушаков Д.Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Ушаков Д.Н. Отзыв о новом орфографическом словаре Я.С. Хомутова // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 92.

Филиппов Н. Техничко-орфографический словарь. — Л., 1933.

Ханпира Э.И. «Толковый словарь русского языка» под ред. Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) // Русский язык в школе. — 1984. — № 6.

Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. — М., 1958.

Шапиро А.Б., Уваров М.И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати. — М., 1933.

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Вопросы педагогики. — 1927. — Вып. 2.

REFERENCES

Bukchina B.Z. Voprosy orfograficheskoi unifikiatsii pechatnykh izdaniy, Moscow, 1988.

Granovskaya V.M. Russkii literaturnyi yazyk v kontse XIX i XX vv., Moscow, 2005.

Grot Ya. Filologicheskie razyskaniya, Sankt-Petersburg, 1876.

Dagaiskii. O chem toskuet krasnyi karandash?, in *Uchitel'skaya gazeta*, 1923, № 17.

Disput, at АРАН, F. 358, Op. 2, D. 75.

Dobromyslov V.A. Oblegchit' usvoeniya pravopisaniya — osnovnaya zadacha ego unifikiatsii, in *Russkii yazyk v shkole*, Moscow, 1954, № 5.

Ioannisyants C.S. Spravochniki dlya rabotnikov pechati, in *Bol'shevistskaya pechat'*, 1936, № 12.

Nechaeva I.V. Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy, Moscow, 2011.

Nikitin O.V. Zagadki «Ushakovskogo» slovara, in *Literaturnaya gazeta*, 2015, № 37.

Obnorskiy S.P. Russkoe pravopisanie i yazyk v praktike izdatel'stv, in *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, Moscow, 1934, № 6.

Ozhegov S.I. Russkaya orfografiya (1956), at АРАН, F. 1516, Op. 1, D. 79.

Ozhegov S.I. O trekh tipah tolkovykh slovarei sovremennogo russkogo yazyka, in *Voprosy yazykoznaniiya*, 1952, № 2.

Ozhegov S.I. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova, in *RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1992, № 3, p. 72.

O novom pravopisanii, Moscow, 1930.

Orfograficheskii spravochnik (proekt), Moscow, 1936.

Otechestvennye lingvisty XX veka, Moscow, 2003.

Panov M.V. O kul'turno-istoricheskom podhode k orfografii, at *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku*: v 2 t, Moscow, 2004, vol. 1.

Panov M.V. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova, at *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku*: v 2 t, Moscow, 2007, vol. 2.

Pis'mo B.A. Larina k D.N. Ushakovu ot 18.03.1934, at Arhiv RAN, F. 502, Op. 4, D. 20.

Pis'mo V.I. Lenina k E.A. Litkenu ot 19.05.1921, at *Polnoe sobranie sochinenii V.I. Lenina*, 1935, vol. 52.

Proekt reformy pravopisaniya, Moscow, 1930.

Slovar' Akademii Rossiiskoi, Sankt-Petersburg, 1789—1784.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / pod red. V.I. Chernysheva [et al.]: v 17 t, Moscow; Leningrad, 1948—1962.

Suворovskii A.M. Raspad orfografii, in *Na putyakh k novoi shkole*, 1927, № 12.

Ushakov D.N. Vystuplenie na soveshchaniy slovesnikov, at АРАН, Fond 502, Op. 3, № 106.

Ushakov D.N. Zapiska k Svodam orfograficheskikh i punktuatsionnykh pravil (1936), at АРАН, F.502, Op. 1, D. 76.

Ushakov D.N. Ob orfografii, in *Russkaya rech'*, 1993, № 1.

Ushakov D.N. Orfograficheskii slovar'. Dlya nachal'noi i srednei shkoly, Moscow, 1934.

Ushakov D.N. O sovremennom pravopisanii, in *Bol'shevistskaya pechat'*, 1937, № 2.

Ushakov D.N. Tezisy doklada «Ob orfografii», at АРАН, F. 502, Op. 3, D. 103.

Ushakov D.N. Otzyv o novom orfograficheskome slovare Ya.S. Homutova, at АРАН, F. 502, Op. 3, D. 92.

Filippov N. Tekhniko-orfograficheskii slovar', Leningrad, 1933.

Hanpira E.I. «Tolkoviy slovar' russkogo yazyka» pod red. Ushakova: (K pyatidesyatiletiiyu vyhoda v svet 1-go toma), in *Russkii yazyk v shkole*, 1984, № 6.

Tseitlin R.M. Kratkii ocherk istorii russkoi leksikografii, Moscow, 1958.

Shapiro A.B., Uvarov M.I. Orfografiya, punktuatsiya i tekhnika korrekturny: Spravochnik dlya rabotnikov pechati, Moscow, 1933.

Shcherba L.V. Bezgramotnost' i ee prichiny, in *Voprosy pedagogiki*, 1927, issue 2.